

Анатолий Агарков

*Упала
скворечня*

*Человек хуже зверя,
когда он зверь
(Р. Тагор)*

Анатолий Агарков

Упала скворечня

«Издательские решения»

Агарков А.

Упала скворечня / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907367-9

Фарт кому-то приходит дважды в жизни, кому-то раз, кому-то никогда. Луке Лукьянову счастье (если таковым считать золото и деньги) подвалило дважды. И жизнь прошла... А в ней были война, друзья, госпиталя, любовь, семья, работа... уютный домик на закате лет. Не будь фартового везенья, разве напрасно жизнь прошла? Разве дали счастья желание завладеть чужим преступным кладом и золотая лихорадка? Конечно, нет. Но слаб человек, а тяга к дармовщине вечна.

ISBN 978-5-44-907367-9

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Упала скворечня

Анатолий Агарков

Человек хуже зверя, когда он зверь
(Р. Тагор)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-7367-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Смерч налетел внезапно. Вот было ясно, и вдруг разом – завывала, загрохотала буря. Ветер свирепствовал беспощадный. Густая пыль закрыла солнце, во мрак погрузилась земля. Тревожно сжимались сердца в предчувствии беды. Разом вспомнились пророчества о конце света.

Но, наконец, ветер стал стихать. Со всех сторон горизонта поползли тучи. Скоро они заволокли всё небо, пошёл дождь. Он усиливался с каждым часом, лил более суток, но ветер совсем прекратился.

Впрочем, его внезапный порыв больше напугал, чем бед наделал. Кое-где шифер с крыш покидал, одну-две антенны пополам сложил. У Чирковой Катерины, что уборщицей работала в конторе правления, сверзилась скворечня на широкий двор. Домишко-то птичий вроде как и не пострадал, а семейство скворчиное, по всему видать, расшиблось. Когда Катерина, сунув шест в прореху банной крыши, кое-как вознесла скворечню в прежнее стояние, ещё будто покружились вокруг неё расстроенные скворцы, а потом улетели. И с тех пор никто из пернатых в тот домик ни ногой. Даже суетливые воробушки, которым до всего есть дело, облетали Чирковскую скворечню дальней стороной.

А дни стояли превосходные, ясные, первые дни начавшегося лета, когда ещё нет томительной жары, нет душных ночей, когда солнце долго-долго сияет в небе, будто совсем не хочет уходить, а весело и нежно улыбается своими всюду проникающими лучами и вызывает к жизни каждую былинку, выбирает из земли все её силы.

В одну из таких недружных ночей в селе убили сторожа и ограбили кассу правления. А ясным утром приехала милиция. Собака от порога взяла след да на поводке своём притащила прямо к Чирковскому дому, на пологую крышу бани прыгнула, повертелась и заскулила. Проводник ввиду ветхости строения за ней не последовал, а в сердцах сдёрнул вниз своего помощника.

– Ну, правда, – призналась Чиркова Катерина. – Я, как убралась, с Митричем попрощалась, домой пошла – корову подоила, воды в баню натаскала, но на неё не лазила...

Была она женщиной словоохотливой и не терпела конкурентов даже в лице следователя. А в деле считала себя и пострадавшей.

– Это хорошо, что я не задержалась – один этаж только помыла. Митричу сказала – утром до работы приду, домою. А так бы они и меня... рядышком...

– Так, так, – милицейский начальник попытался перехватить инициативу в допросе. – Стало быть, в любой час ночи вы могли постучать, назваться, и убитый сторож непременно вам открыл бы дверь.

– И-и-ишь, куда завернул, – вскинулась Катерина, – в убивцы прочишь. Не было меня в конторе опосля. Никто не видел, и ты не докажешь.

Потом завернула концы платка к отсыревшим глазам и запричитала:

– Меня, вдову хворую... Скажи, лень тебе искать, начальник.

Правление агрофирмы характеризовало Е. Н. Чиркову, как человека с несамостоятельным характером, тяжёлыми семейными обстоятельствами и слабой дисциплиной. К раскрытию преступления эта характеристика возможно отношения не имела, но всё же была приобщена к делу.

Уезжая, закончив все необходимые оперативно-розыскные мероприятия, следователь районной прокуратуры Сальников заявил пострадавшей стороне, представителю фирмы «Ариант-Агро»:

– Все тайны, поверьте мне, имеют весьма обыденное объяснение. Время покажет...

На том, кажется, и успокоились.

В соседях у Катерины Чирковой жил Лука Фатеич Лукьянов, человек мирозерцательный, спокойный и тихий, многие годы перед пенсией проработавший освобождённым секретарём совхозного парткома. Но не так работа повлияла на его характер, как давнишняя война. Имел он от неё орден, несколько медалей, да ещё контузию и ранения. И хотя злые языки шипели за спиной – мол, инвалид умственного труда, имел Лука Фатеич удостоверение инвалида Великой Отечественной войны и с гордостью предъявлял его при случае.

Долго мечтал Лукьянов о пенсии, об отдыхе, который виделся ему золотым солнцем на исходе лета, обилием плодов и звонким птичьим гомоном в ухоженном саду. День хвали вечером, любил повторять Лука Фатеич. Прожив честно жизнь, очень он надеялся на спокойную старость в ладах со своей совестью и старухой.

Вставал рано, выходил в сад и долго, до самой жары, ковырялся там, выпалывая сорняки, подрезая ветки, рыхля землю, поливая грядки. Да мало ли ещё какой уход нужен доброму саду, иль какую ещё найдут себе работу заботливые руки. Разговором сыт не будешь, если хлеба не добудешь, внушал он жене-старухе, ощущая после таких трудов прилив бодрости и здоровья. Быть может, не бывшему партработнику говорить такое, но говорилось.

А уж сад у него – загляденье: всё разумно, всё спланировано и ухожено. Чистота идеальная – ни листочка опавшего, ни травинки лишней. Глянешь – глаз радуется и отдыхает.

И вот однажды – что такое? – на грядке чеснока, что притулилась к Катерининому забору, трухлявость какая-то понабросана. Будто гнездо кто потерял – здесь и пух, и помёт, вот и желторотики дохлые засохли, и солома.

Налево посмотрел Лука Фатеич, направо, вверх голову задрал. Кто же ещё, кроме Катки Чирковой? Вон и воробьи опять у скворечни выются. Почистила, пакостница, птичий дом, а мусор сюда бросила.

Не стал спешить Лукьянов грядку убирать, стоял, думал, как с соседкой разобраться, а сам на воробьёв смотрел: то-то «жидам» праздник – новоселье!

Пёстроголовый воробышек сунулся в дырку скворечни, упёрся лапками, машет крыльшками – насилу вытащил. Полетел, обронил – или бросил? – и, печальным листом кружась, к ногам удивлённого Фатеича упала смятая пятидесятирублёвка.

Все любят добро, да не всех любит оно. У Луки Лукьянова в жизни по-разному было, но он сразу теперь почувствовал – фарт опять идёт к нему в руки! Не упустить бы!

Гадать-то много не приходится, откуда деньги взялись. Вспомнились убийство сторожа, ограбление кассы и милицейская собака, что неожиданно к бане привела, к которой притулилась эта самая скворечня. Собачий нюх не проведёшь! А мильтоны-дурачки ничего понять-то не смогли.

Пока Лука Фатеич удивлялся и раздумывал, хлопотливый новоселец уже второй дензнак по ветру пустил. Старик вслед ему, упавшему на Катеринин огород, посмотрел так, будто мечту проводил.

– Долгим будет день, – сказал сам себе Лукьянов и задумался.

Лезть среди бела дня в чужой огород не отважился.

Всё, что делал он дальше, было вроде продуманным, логичным, но привычные хлопоты исполнялись скорее машинально, ибо все его помыслы были обращены к скворечне.

Увидел он Катерину, дорожкой через огород просеменившую в сортир, но ни слова не сказал ей. С грядки мусор убрал и ни слова не сказал. Подумал, сама себя наказала соседка за свой поганый характер: хотела Луке мусором досадить, а у самой денежки – тю-тю, вот только ночь придёт.

Катерина справила нужду и нашла время окликнуть соседа:

– Что, Фатеич, на работе дурака провалял, так на пенсии покоя нет – мозоли перед страшным судом набиваешь?

Лукьянов надвинул потёртую кепочку на самый лоб, из-под козырька глянул на соседку:

– Боже мой, как жизнь коротка и неинтересна, когда всё о ней наперёд знаешь...
Куда ей, неграмотной полумойке тягаться с бывшим парторгом.

Ничего не поняв из слов Лукьянова, Катерина махнула рукой, как на пропащего, и засе-
менила домой. Фатеич проводил её взглядом и снова на небо – скоро ли вечер?

Было утро, без единого облачка, без ветерка. Пустельга, часто мельтеша крыльями,
зависла над садом, высматривая добычу, и спугнула воробьёв. Потом чёрной стаей прошеле-
стели над головой скворцы и уселись на антенну. Снова «жду» не до гнездования. А без
них, бьющихся у скворечни, было так обычно, так мирно, что всё случившееся казалось сном,
если бы не смятая бумажка в кармане.

Далеко, ох, как далеко ещё до темноты! Чтобы отвлечься, задавить сведавшее его нетер-
пение, стал Лукьянов думать о постороннем, о том, как был молодым, как торопился жить.
Ему казалось, что в сорок он будет старым, потому что в двадцать он уже был мудрым.

Избави Бог нас от друзей, говорил он сам себе, а от врагов я уж как-нибудь отобьюсь.
И опять же это казалось странным в словах замполитрука танковой роты младшего лейтенанта
Лукьянова. Кстати, тогда-то, в сорок пятом, подвалил ему первый фарт.

2

Они были молоды и рвались в бой. Никто из них не был на западном фронте, они спешили нахватать свою долю наград в скоротечной японской кампании. И вот какая досада – не в бою, на марше вышел из строя двигатель родной тридцатьчетвёрки. Они остались, бригада ушла вперёд. Ночью вдалеке где-то грохотало – наши брали Мудадзян. А они работали при свете фонаря, рискуя посадить аккумуляторы.

Пришло утро.

Перед очередной попыткой завести двигатель механик-водитель Егор Агарков вылез на броню, сунул в рот мазутными пальцами папироску, закурил. Вид у него был неважный.

– Бедолага, – посочувствовал заряжающий Сычёв. – Угрёбся? Глаза б мои на это чрево не смотрели.

Он кивнул на открытый моторный отсек.

– Невесёлая работа ещё не повод для вечной скорби, – белозубо улыбнулся командир танка Лукьянов, земляк-односельчанин Агаркова. – И вообще, это дело вкуса, сказала кошка, когда её спросили, зачем она облизывает свои лапы.

Егор промолчал, только рукой махнул, что означало – у меня, мол, дел по горло, и мне не до кадрелей.

Всю ночь дождь тужился, но так и не собрался с силами. К рассвету погода улучшилась. Небо немного прояснилось, по нему побежали порванные на серые клочки облака, и в положенное время в просвете между ними показалось солнце.

Если добавить, что двигатель, наконец, завёлся, то можно сказать, что настроение у экипажа разом поднялось.

Упомянутый офицер, как вы уже догадались, был нынешний колхозный пенсионер Лука Фатеич Лукьянов, очень интересный человек, с точки зрения подчинённых, и, между прочим, превосходный командир. У него талант, он просто виртуоз в стрельбе из башенного орудия. И очень милый человек, если исключить то, что всегда курит чужой табачок, доставая свой портсигар с папиросами – атрибут офицерского довольствия – в исключительных случаях.

Вот и теперь очередная самокрутка Сычёва у него во рту, и он красноречиво посматривает на ефрейтора. Этот человек не только приберегал свои папиросы, но и трофейную зажигалку – подарок ветерана-фронтовика, из тех, что пополнили бригаду перед наступлением – никогда не доставал из кармана гимнастёрки. Заряжающий вздыхает, протягивает командиру самодельную зажигалку, а сам снова крутит бумажку трубочкой.

Лукьянов с удовольствием затягивается и вместо благодарности рычит на Сычёва:

– Вояки, мать вашу. Простояли ночь, прозагарали. Где теперь часть искать? Я ещё вчера должен быть в бою.

– Меня там тоже не было, – насупился Сычёв.

– Отлично! Отлично, ефрейтор! Поздравляю с боевым крещением! Сколько убито комаров вашей могучей пятернёй?

Лукьянов жадно обсасывает самокрутку и добавляет:

– Вояки, мать вашу...

Ход у танка плавный, похожий на морскую качку, действует на экипаж успокаивающе.

Когда едешь, и мысли движутся вместе с тобой. А какие могут быть мысли у двадцатичетырёхлетнего парня? Вот кончится война, что их всех ждёт? Женщины, пьянки, гулянки? А дальше?.. Вообще, есть о чём подумать.

Через час пути снова вынужденная остановка. Впереди дорога вся запружена лошадьми, людьми, подводами – какая-то наступающая пехотная часть. Тридцатьчетвёрка грозно урчит, сигналист – посторонись, дай дорогу! Но тщетно. В бесконечно растянувшемся потоке нет про-

света, и никто не обращает внимания на подкативший танк. Бойцы на подводах, идущие пешком имеют одинаковые угрюмо сосредоточенные лица.

Агарков высунулся из люка, достал кисет.

– Что стал, Кузьмич? – свирепеет младший лейтенант. – Вперёд! Потесни пехтуру. Дави, коль нас не признают.

– Оставьте это, – возражает Агарков, занимаясь самокруткой через чур сосредоточенно. Сосредоточенность – это у него профессиональное, и вызвана тем, что взгляд его постоянно нацелен в смотровую щель. В остальном лицо добродушное, есть даже что-то детское в его выражении, несмотря на рыжие усы и вертикальные складки между бровями.

Окутавшись дымом, поднимает взгляд на командира, голос усталый, с трещинкой:

– Власовцы это, чумные люди, серобушлатники...

Лукьянов опять, внимательнее, посмотрел на запруженную дорогу, упёршись в чей-то недоброжелательный взгляд, отвернулся, как вздрогнул, в сторону. Через чур внимательно стал озирать окрестность.

Природа здесь была почти девственной – заросшие травой холмы, лощины в кустарниках, густых, колючих. В этих кустах, вполне возможно, прячутся недобитые самураи и целятся сейчас в него из своих дурацких карабинов.

Снизу стал толкаться Сычёв. Лукьянов уступил ему люк.

– Чего стоим? – покрутил он головой.

– Штрафники, – кивнул младший лейтенант на дорогу. – Конца и краю нет, запрудили, мать иху... А в остальном всё как всегда, как сказал один знакомый лётчик, покидая горящую машину без парашюта...

Сычёв прыгнул на землю, прошёлся, разминая кривые ноги. Он невысок, крепко сбит, широк в плечах. Лицо краснощёкое, тёмные, воспалённые бессонной ночью глаза смотрят на пехотинцев в упор, не мигая, словно они – пустое место:

– Штрафники? Наслышан, как они сюда добирались – вокзалы штурмом брали. Узнала Сибирь-матушка, что такое оккупация.

– Им, говорят, оружие только перед боем выдают.

– Да нет, смотрите-ка, приклады вон торчат...

– Сдаётся и мне, что они сейчас сами топают, без конвоя. Должно, поблажка вышла...

Агарков не принимал участия в диалоге, слушал только, поглядывая на нескончаемый поток солдат. Наконец, приняв какое-то решение, застегнул шлемофон и, махнув рукой Сычёву, – Петька, садись! – нырнул в люк, опустил его крышку. Заряжающий пролез на своё место. Лишь Лукьянов остался торчать по пояс из башни. Танк взревел двигателем и покатился вдоль дороги навстречу потоку, всё ближе и ближе прижимаясь к обочине.

Дико-бешено заржала лошадь, шарахнулась, вставая на дыбы. С телеги посыпались перепуганные бойцы. Агарков развернул машину и устремил в образовавшуюся на дороге брешь. Не смотря на всю виртуозность манёвра, гусеницей шкрабнуло по задку передней телеги. Она, деревянно охнув, осела на подломившиеся колёса. В спину бронированного чудовища полетели остервенелые ругательства:

– В кишки – душу – бога – рога – мать...!

Каким-то невероятным чутьём, даже не оглянувшись, Лукьянов почувствовал, что произойдёт в следующее мгновение. Он ухнул в утробу танка, и вслед за тем будто свинцовыми хлыстами щёлкнули по крышке люка две автоматные очереди.

Запоздалый холодок облизал спину младшего лейтенанта. Впервые в жизни в него стреляли, и это чудо, что он ещё жив и даже не пострадал. Он не стал скрывать свою растерянность, заглянув в лицо Сычёву – вот, мол, брат, как бывает. Ефрейтор выставил вперёд большой палец – порядок, командир!

Т-34, вздымая облака пыли, бездорожьем, напрямик рванул в Мудадзян.

3

Бригада расквартировалась на северной окраине города. Едва успели доложиться и позавтракать, пришёл приказ: по одному человеку с экипажа в патруль – город прочёсывать. Лукьянов оглядел своих орлов. Агарков ничего не сказал, только отрицательно качнул головой и отвёл глаза. Сычѐв, тот наоборот, даже суксился и заканючил:

– Товарищ младший лейтенант, у вас и так свободный выход, а я в кои веки ещё раз попаду.

– Чудак человек, – для порядка осадил его Лукьянов. – В город-то с оружием пойдѐте, не в театр – там япошек полно недобитых, да и наших-то, штрафников, в штабе говорили, поубегло не мало.

– Ну и что, посмотреть охота. Домой вернусь и рассказать нечего: слева броня, справа броня, а сверху – простите – ваша задница.

– Иди, – махнул рукой Лукьянов. – Что с тебя возьмѐшь?

Сычѐв ушѐл, переодевшись, почистившись, прихватив автомат. Агарков для приличия повожился с железяками, поурчал двигателем и завалился спать. Лукьянов остался один и загрустил.

Был полдень. Чем заняться? Пойти послушать, как друзья-командиры о бое балаболят? Нет уж, только не это – быть посмешищем! Может и правда в город смотаться? Машины с патрульными уже ушли, да тут и пешком рукой подать.

Чуть побаливала голова. Он подумал, что ко всем неприятностям последних суток не хватает только простуды. Решил – пойду, пройдусь немного, а потом завалюсь спать. Шѐл и убеждался: никакой экзотики в прифронтовом городе нет – грязь и мерзость сплошь и рядом.

Первой повстречалась ему китаянка в самом странном, какое когда-либо видел Лукьянов, одеянии. Желтолицая, неопределѐнного возраста. Младший лейтенант подметил, что он гораздо больше уделил ей внимания, чем она ему. Отметил на будущее: надо сдерживать своё любопытство и не разевать рот, как Ивашка-дурачок в тридевятом царстве.

За типично китайскими домами с островерхими крышами окраины потянулись многоэтажки, на улицах – асфальт и тротуары. Улицы пахли нагретой за утро пылью. Машин на дорогах не было, повсюду играли дети, а наблюдавшие за ними родители вышли подышать свежим воздухом и расселись на стульях прямо на тротуаре. Перед ними на лотках всякая всячина – от еды до побрякушек – за одно и торговали. Переговаривались меж собой, громко зазывали прохожих взглянуть на их товар. На русского офицера обращали внимания не больше, чем на других.

Было очень тепло. Лукьянов снял фуражку и нѐс её в руках, как горожанин на воскресной прогулке. Издалека доносились звуки аккордеона. На одном балконе целовалась парочка. И вообще, трудно было поверить, что ночью за этот город шѐл жестокий бой – не видно следов разрушений, и жители были не очень-то напуганы на вид.

Лукьянов свернул в какую-то арку и оказался во внутреннем дворе. Он показался уютным. Между плитами кое-где даже пробивалась травка. Солнце ярко освещало жѐлтую штукатурку фасада. В глубине двора в открытой двери низенького сарайчика-мастерской столяр строгал доски. Они пахли свежестью, а рядом в самодельной коляске спал ребёнок, за которым смотрела мать, выглядывая время от времени из окна второго этажа.

«Ходовой товар – доски на гроб, – с напускной злобой подумал Лукьянов, чтоб вконец не рассиропиться и не оторваться в мыслях от войны. – А может, они не хоронят покойников, а сжигают? Или это индусы? Чѐрт их разберѐт!»

Он пересѐк двор и вновь оказался на душной от асфальтовых паров улице, многолюдной и чужой. Ему, сельскому уроженцу, более по сердцу были маленькие дома окраины, островер-

хия, с газонами под окнами и огородами на задах. Разноцветные – коричневые, розовые, жёлтые – они кокетливо выглядели под яркими лучами солнца и, наверное, блекли в ненастье.

Лукьянову захотелось пить. Вот уже полчаса его мучила жажда. Ему было слишком жарко, и он чувствовал себя неловко среди людей не говорящих по-русски – они-то все были здесь у себя дома, знали, где попить, где, при случае, нужду справить.

От жажды у него пересохло горло. С тротуара в окнах квартир он порой видел маленькие чашки в руках пьющих, графины и цветочные вазы с водой, а на улице, как на зло, никто не пил, не торговал напитками, не было и намёка на колодец или водоразборную колонку.

Никак не мог он насмелиться войти к кому-нибудь и попросить воды. Эта робость приводила Лукьянова в бешенство. Разве не его товарищи освободили этот город? Где же должное почтение к победителям?

Ему казалось, что китайцы смотрят на него пренебрежительно, чуть ли не с усмешками. Небось, перед самураями ниц падали?

От этих мыслей неожиданно, без всякой определённой причины вдруг потерял веру в себя. Это случилось с ним и раньше. Но теперь было обиднее всего. Его личное покорение Мудадзяна не состоялось. В конце концов, что ему здесь надо? Ровным счётом ничего. Не пора ли вернуться и отдохнуть после бессонной ночи?

Свернув на перекрёстке, чтобы не поворачивать на месте, Лукьянов вдруг понял, что не знает дороги назад. Пошёл наобум, стараясь держать солнце за спиной. На душе его кошки скреблись. Он испытывал то чувство раздражения, которое бывает у людей после долгих дней предгрозовой жары, когда они становятся похожими на рыб выловленных из воды. Разница заключалась в том, что здесь он был единственным в таком состоянии.

В воздухе не чувствовалось даже намёка на грозу, небо над Мудадзяном было безоблачным, красивого голубого цвета, без малейшего лилового оттенка, и только изредка на нём появлялось лёгкое белое облачко, напоминающее пушинку, вылетевшую из перины.

Минутами Лукьянов ловил себя на том, что с ненавистью смотрит на проходящих мимо китайцев. А затем его вновь охватывало чувство собственной немощности, которое камнем давило на желудок и придавало ему вид испуганного и подозрительного человека.

Люди, встречавшиеся ему, казались слишком благополучными и уверенными в себе, чтобы быть вчера подневольными и только нынче освобождёнными. И, кажется, они его жалели – одинокого молодого офицера, заплутавшего в чужом большом городе. Ему хотелось спать. Ему было жарко. Он умирал от жажды.

– Дикари! – ворчал он себе под нос, свирепо вглядываясь в лица встречных людей. Он стал думать о том, что они едят лягушек, червей и прочую мерзость. Чтобы запугать жажду, убеждал себя в том, что и воду они пьют тухлую, болотную, а может – просто ополоски. Такую воду он не стал бы пить, несмотря ни на что. Лукьянов так увлёкся своими мыслями, что теперь и воздух, ему казалось, имел тошнотворный привкус. Ничего не попишешь – заграница.

Отношение толпы к нему заметно изменилось. Под его злобными взглядами прохожие съёживались, как испуганные животные, и тем тревожнее звучала за его спиной их сухая чёткая речь, как хорошо смазанный пулемёт. И он уже не мог смотреть на них дружелюбно. В душе его заклинилась ненависть. Какое-то непередаваемое чувство вызрело в нём, словно Лукьянов угодил в огромную сеть, сплетённую пауком-великаном, и эта сеть начинает медленно его душить, и всё больше ему казалось, что он уже начал в ней задыхаться.

4

Лука знал, что ярости надо давать выход, иначе она захлестнёт всё сознание до беспамьяства. И кто знает, что могло бы случиться с ним, возбуждённым до крайности, заблудившимся в чужом равнодушном городе, если бы не встретился ему этот солдат-пехотинец. Был он невысок, худ, с заострённым, как у лисы, лицом и подозрительным взглядом маленьких мутных глаз, в донельзя заношенной форме рядового.

– Земеля! – он поймал в воздухе Лукьяновскую пятерню и крепко сжал её – Порасти травой на веки вечные могильный холмик мой! Наконец-то, хоть одно человечье лицо среди этих узкоглазых морд. А я уж думал – куда попал, и как отсюда выбраться? Хожу словно немтырь среди мумий – не я ни слова, ни мне полслова в ответ. Да и как их с япошками различать-то: что те, что эти – один хрен. Я уж думал рвать отсюда без оглядки – лучше быть пять минут трусом, чем всю жизнь трупом, да тут ты нарисовался.

Говорил он быстро и много, совсем не оставляя Луке возможность вставить словечко. Наконец выпустил Лукьяновскую руку и ткнул пальцем в кобуру:

– Ты при пугаче? А я гол, как сокол.

Младший лейтенант и сам был несказанно рад встрече с русским человеком, но панибратство солдата его коробило. Сказал довольно холодно, прищурился:

– Будьте любезны сообщить свою фамилию и номер части.

Конечно, сказал это лишь ради порядка, но уже начал подозревать, что солдат – это ещё тот фрукт. Он был настолько верченый, нахрапистый, что на язык само просилось – «блатной». Лукьянов сразу почувствовал – с таким человеком в любое время может что-нибудь произойти и, вероятно, ещё произойдёт. Во всяком случае, Лука так полагал. Чем больше младший лейтенант в бойца вглядывался, тем больше он его настораживал.

– Да Колька я, Корсак, – солдат и не обратил внимания на отчуждённость офицера. – В штурмовом батальоне меня каждый знает.

Он не сказал в «штрафном», но Лукьянов и без того уже знал, с кем имеет дело. А солдат всё тормозил и тянул его куда-то, всё говорил и говорил:

– Брось, мамлей, в роте будешь командиром, а теперь мы – двое наших, среди своры ненаших, этих ходячих жмуриков, которых грех не пощипать. Бегут самураи – войне конец и скоро домой! Что же мы, с голым брюхом и пустыми карманами вернёмся что ли? Жене иль невесте своей стреляные гильзы повезёшь? Соображай, мамлей.

Он с нетерпением ждал ответа и вглядывался в Лукьянова. А тот, смущённый, не знал, что и ответить. На что же это его подбивают, на мародерство? Так надо взять эту штрафную суку на мушку и доставить куда следует. А куда следует? Он и дороги-то к своим не знает. Должно быть, очень растерянный и жалкий имел вид – то бледнел, то краснел и никак не мог на что-нибудь решиться.

– Брось ломаться, пошли, – Корсак потянул Лукьянова за собой и на ходу тараторил. – Ты, наверное, сюда на машине добирался? А мы пешкодралом. Потом патруль зашухерел – кто куда, и я один остался. А один без пушки куда сунешься?

С блатными нужен особый тон, думал Лукьянов.

– Ты из штрафников что ль? – сквозь зубы процедил он, считая, что такая манера разговаривать свидетельствует о силе и внушает страх.

– Для тебя я – Колька Корсак, русский солдат, и этого вполне достаточно, я думаю, чтоб держаться здесь друг за друга. Стоп! Смотри, как это делается.

Он отпустил рукав гимнастёрки, за который волок младшего лейтенанта и ловко вырвал у идущей навстречу женщины большую чёрную плетёную сумку. Китайка не произнесла ни звука, не сделала ни малейшего движения, только испуганно смотрела, как русский солдат

копался в её вещах. Ничего заинтересовавшего Корсака в сумке не нашлось, и он вернул китаянке её имущество. Она пошла дальше, искоса бросив на младшего лейтенанта мимолётный взгляд.

Она могла бы вызвать жалость у Лукьянова – когда у женщины выхватывают сумку и разглядывают её содержимое, а владелица её при этом только беспомощно глазееет на грабителя, она, конечно, вызывает сочувствие. Но её плоское желтокожее лицо вызывало лишь брезгливость. И в душе Луки не возникло ни капли жалости, в ней завихрились другие чувства. Головокружительный восторг вседозволенности, всемогущества над этими неприветливыми людьми, миг овладел Лукьяновым. Он мог бы сейчас обнять эту женщину, поцеловать её в губы, стиснуть ей груди, и она всё также бы стояла и безропотно сносила любые его действия. Да, мог бы, если бы она была хоть чуточку привлекательнее.

– Ну, ты понял, командир – мы искали у неё оружие и ничего более.

Ни в словах Корсака, ни в его тоне, резко сменившемся, ни в манерах, которые неожиданно построжали, не было и намёка на блажняжество.

– Короче, мы с тобой на задании – ищем недобитых самураев и их пособников. Не бойся ничего и доверься мне.

И Лукьянов пошёл вслед за новым знакомцем, повинуюсь безотчётно, кляня себя за это и волнуясь предстоящим приключениям. Откуда только свалился на него этот штрафник Колька Корсак, уголовник и мародёр? Видно, судьба, от которой, говорят, не уйдёшь.

– По улицам ходить опасно, – сказал рядовой. – Народ косится – ха-ха-ха! – косою народ косится, да, неровен час, на патруль напоремся. Зайдём сюда.

Он повлёк младшего лейтенанта в подъезд приличного дома и забарабанил в ближайшую дверь. Когда она открылась, перед ними возник старик в длиннополом жёлтом шёлковом халате, с широкими подвёрнутыми рукавами, в клетчатом платке на голове, подвязанным на особый манер. Стоял, не шевелясь, гладко выбритое лицо его с маленькими чёрными глазками всё напряглось тревогой. Он не улыбался и не кланялся, как принято у китайцев.

Корсак отстранил его и, пропустив Лукьянова вперёд, вошёл следом, закрыв дверь. В чужой квартире он хозяйничал, как в своей, при этом обнаружив большие навыки.

Лукьянов, ещё робея, огляделся.

Квартира принадлежала не простым людям. На ней лежала печать незнакомой красоты, изысканной и недешёвой. Мебель и прочая аранжировка комнат была подобрана по цветам, выполнены добротны и со вкусом.

Корсак рылся по шкафам, буфетам и всё, что находил съестного, сносил на низкий столик в центре большой комнаты:

– Гулять будем!

Ах, что-то теперь будет, что-то будет – ныло сердце у младшего лейтенанта. Полный тревожных предчувствий, с чувством крайней неловкости уселся он за стол.

Сухонькая старушка с маленьким жёлтым обвислым личиком, в причудливых буклях на голове, в нелепом национальном одеянии, подбитом кружевами, появилась в дверях комнаты. Увидев Лукьянова, остановилась и невольно отшатнулась – кто это, и как он сюда попал? Изумление было написано на её дряблом лице.

– Глянь, мамлей, что за шмара!

В других дверях появился Корсак, подталкивающий перед собой молодую китаянку, черноглазую, с красивым азиатским лицом, изящной фигурой, облачённой в экзотическое кимоно.

Лука невольно поднялся навстречу и протянул руку для пожатия, представился. Девушка часто-часто закивала головой, улыбнулась, заговорила чистым, звонким, как у ребёнка, голоском.

– Эх, знать бы, что она сейчас сказала, – посетовал Лука.

– Наверное, благодарит, что япошек прогнали, – предположил Корсак, садясь за стол, пристраивая молодую китайянку у себя на коленях.

Старики, стоя в сторонке, с тревогой поглядывали на незваных гостей и тихонько переговаривались.

Колька кивнул на них:

– Ишь, расщебетались – клянут гостей незваных...

На удивлённый взгляд Лукьянова пояснил:

– Это они дочери советуют не связываться с русскими, говорят – залапают тебя грязными руками.

Лука невольно взглянул на свои руки – красные, обветренные, но достаточно чистые, чтобы приласкать китайскую девушку.

Корсак пил рисовую водку, быстро хмелея, откровенно шарил руками по чудному платью китайянки и всё никак не мог найти застёжки или завязки, чтобы добраться до её тела.

– О – хо – хох! Грехи наши тяжкие! – вздыхал он при этом.

Он то притянет её к себе, обнимет, поцелует в маленький ротик или скулу, да тут же и отпустит, потянувшись к чашке с водкой. Бубнил невесть кому, заплетающимся языком:

– Знаешь ли, голуба, какая жисть моя дрянь. А с тобой бы я всё забыл...

Она улыбалась ему вымучено и, должно быть, ей и в голову не приходило, что говорил он с ней о любви.

Лукьянов случайно встретился с её взглядом и прочёл в её глазах тоску, муку, мольбу, к нему обращённую. Вот слёзы заблестели на её ресницах. Плакали, глядя на неё, старики.

У младшего лейтенанта от выпитого закружилась голова.

– Не бойтесь, не бойтесь, – сказал он старикам. – Я не позволю бесчестить вашу дочь.

Он весь даже изменился, говоря это, в голосе зазвучали командирские нотки, которые так ловко и быстро сумел из него вытравить Колька-штрафник.

Старик, хозяин дома, вышел куда-то и через минуту вернулся. Осторожно положил на спинку дивана чёрный футляр, вынул из него скрипку и смычок, бережно обтёр их клетчатым носовым платком, стал в позу и провёл смычком по струнам.

– Это что? – почти даже с испугом встрепенулся Корсак, оглянувшись, да так и застыл от изумления.

Между тем, комната заполнилась медленно плывущими один за другим чудными звуками, то почти замиравшими, то поднимавшимися густой полной волной.

Лука слушал и никак не мог понять, что они говорят, эти звуки. Но они говорили что-то, назойливо и властно, возбуждали его внимание, проникали в самое сердце. Наконец, малопомалу всё яснее и яснее становилось молодому танкисту, что такое говорят эти звуки. Они захватили его воображение и унесли далеко-далеко отсюда, в мир детских грёз и мечтаний.

Перед ним расстилались родные тучные поля, берёзовые колки увидел он, как наяву. Белокаменная церковь упёрлась высоким шпилем колокольни в голубое-голубое небо. Он вспомнил, как с Егором Агаповым и другими трактористами Петровской МТС, пытался свалить эту колокольню. Как гуськом пыхтели, напрягаясь, трактора. Как гудели и лопались канаты, а колокольня выстояла.

И теперь вот вспомнилась под впечатлением виртуозной игры престарелого китайского скрипача, вспомнилась, как символ далёкой Родины...

Замер старик, умолкла скрипка, оборвались звуки. Лука молчал, замороженный, и понимал, что это молчание лучшая похвала старику-музыканту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.